

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКА И.С. ТУРГЕНЕВА «ВСТРЕЧА МОЯ С БЕЛИНСКИМ»

В 1860 году И. С. Тургенев опубликовал в «Московском вестнике» очерк «Встреча моя с Белинским». Свое обещание читателям продолжить в ближайшее время разговор о В. Г. Белинском писатель не исполнил и вернулся к работе о нем лишь семь лет спустя. Это произведение относится, на наш взгляд, к жанру портретно-психологического очерка. Как известно, портретно-психологический очерк по своей жанровой структуре явление сложное. Дело в том, что жанровые границы этого типа очерка очень подвижны. Ведь он обычно отражает и внутренний мир героя, и его психологию, и философское осмысление его характера, и конечно же, в нем всегда ощутимо отношение автора к описываемому им человеку. Как правило, такими людьми являются общественные деятели, известные художники, критики и писатели. Такого рода очерки И. С. Тургенева посвящены людям, с которыми писатель был близок, с которыми имел общность идей и к которым испытывал личную симпатию. Цель данной статьи заключается в осмыслении идейного и художественного своеобразия портретно-психологического очерка И. С. Тургенева «Встреча моя с Белинским».

В нем отчетлив мемуарный элемент. И. С. Тургенев стремился воссоздать образ В. Г. Белинского таким, каким он его знал и понимал; перед читателем должна была предстать многогранная и живая личность критика. В то же время И. С. Тургеневу нужно было продемонстрировать историческую значимость личности этого выдающегося человека. «Высветить этот масштаб <...> и не заслужить упрека в стремлении обозначить свой собственный было не просто <...>. Однако писателю удалось достигнуть первого и избежать второго, хотя, как представляется, ценой сознательного и невольного умолчания фактов, которые могли бы существенно дополнить картину его отношений с Белинским, а возможно, изменить и самый колорит ее» [6, с. 4]. Конечно же, дружба с критиком сыграла важную роль в жизни молодого И. С. Тургенева. Но в советском литературоведении влияние В. Г. Белинского на него характеризовалось излишне прямолинейно: «Под непосредственным личным воздействием великого критика, его страстной проповеди самых передовых для России того времени идей укрепились антикрепостнические, атеистические и во многом уже материалистические воззрения молодого писателя» [4, с. 30]. Думается, такая характеристика мало отвечает подлинному воздействию критика на И. С. Тургенева. Во-первых, мировоззрение И. С. Тургенева было сложнее той почти обязательной формулы (антикрепостническое, материалистическое, атеистическое), которая была принята в ту пору. Во-вторых, о такого рода влиянии сам И. С. Тургенев не пишет.

Особое внимание он уделил самостоятельности, которой достигла русская мысль в критике В. Г. Белинского. Если до него она была отражением то французских, то немецких теорий и поэтому не имела определенности своих основных воззрений, то В. Г. Белинский преодолел эту односторонность, и в этом, например, Н. Г. Чернышевский видел одну из главных причин симпатии, которую он вызывал у современников. «Критика Белинского, – писал он, – все более и более проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явления этой жизни, все решительнее и решительнее стремилась к тому, чтобы объяснить публике значение литературы для жизни, а литературе те отношения, в которых она должна стоять к жизни, как одна из главных сил, управляющих ее развитием» [9, с. 279].

С другой стороны, в журнале «Библиотека для чтения» публиковались статьи А. В. Дружинина, который отзывался о В. Г. Белинском неприязненно, обвиняя его в нетерпимости и чрезмерной резкости его критических суждений. Стремясь снизить значение статей критика, он обращал внимание, главным образом, на то, что «по образованию своему (принимая это слово даже не в поверхностном смысле слова) Белинский стоял ниже весьма многих современных ему литераторов и даже газетных рецензентов... Увлекаемый восприимчивостью и впечатлением минуты, он часто решался на отзывы не только чрезвычайно неверные, но ложность которых была ясна даже для самого неспособного из его противников» [5, с. 318]. Отметим, что эти слова все же были отчасти справедливыми, и сегодняшнее литературоведение неоднократно отмечало некоторые прямолинейные суждения критика, вызванные его увлечениями. Вместе с тем в обстановке литературной борьбы той поры такие высказывания могли казаться дискредитацией авторитета В. Г. Белинского.

И. С. Тургенев мог соглашаться с какими-то частными суждениями А. В. Дружинина, но в главном, определяющем, безусловно, был в этом споре на стороне Н. Г. Чернышевского и своим очерком намеревался включиться в полемику между революционно-демократическим и умеренно-либеральным лагерями. Но осуществление этого замысла растянулось на годы. И. С. Тургенев первоначально надеялся опубликовать свои очерки в альманахе в пользу В. Г. Белинского, который предполагал издать Н. А. Некрасов, но издание не состоялось, и очерк вышел в свет в «Московском вестнике». «Я познакомился с Белинским в конце 1842 года, в С.-Петербурге, – писал И. С. Тургенев. Он жил тогда в доме Лопатина, у Аничкова моста. Меня привел к нему наш общий знакомый З. Я много слышал о нем и очень желал познакомиться с ним, хотя некоторые его статьи, написанные им в предыдущем (1841) году, возбудили во мне недоумение» [8, т. 14, с. 205]. Эти слова очерка И. С. Тургенева нуждаются в пояснениях и уточнениях.

Прежде всего, уточним дату знакомства И. С. Тургенева с В. Г. Белинским. «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» указывает на другую дату – около 15 февраля 1843 г. [7, с. 348], ссылаясь при этом на письмо В. Г. Белинского к Бакуниным от 22-23 февраля 1843 г., где есть слова:

«Недавно познакомился я с И. С. Тургеневым» [2, т. 12, с. 139]. Конечно, «недавно» – указание неопределенное и оставляющее место для разных толкований. Как бы то ни было, комментатор писем В. Г. Белинского также датирует его знакомство с И. С. Тургеневым концом 1842 года [2, т. 12, с. 519]

Что касается З., то это Петр Васильевич Зиновьев (1812–1863), приятель И. С. Тургенева, с которым В. Г. Белинского познакомил А. И. Герцен. Если для выражения своего отношения к И. С. Тургеневу В. Г. Белинский выбирает относительно осторожные слова: «Кажется, И. С. Тургенев хороший человек», то о П. В. Зиновьеве отзывается с восторгом: «Вот истинно крепкая, здоровая, действительная натура! Человек, вполне достойный любви женщины, мужчина в полном значении этого слова» [2, т. 12, с. 139]. Еще одного уточнения требует упоминание «прошлогодних статей», которые вызвали у автора очерка «недоумение». Видимо, И. С. Тургенев имел в виду появлявшиеся в 1839 и 1840 гг. на страницах «Отечественных записок» статьи «Бородинская годовщина», «Очерки Бородинского сражения», «Менцель, критик Гёте», «Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова» и др., в которых развивался тезис о необходимости «примирения с действительностью». Известно, с какой энергией и даже яростью В. Г. Белинский позднее отказался от этих взглядов как от ошибочных. «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью» [2, т. 11, с. 556], – писал он. Но они свидетельствуют как раз о той «восприимчивости», о которой говорил А. В. Дружинин.

Видимо, что-то подобное услышал от В. Г. Белинского и И. С. Тургенев, и это побудило его отметить в своем очерке, что В. Г. Белинский осудил свои прежние высказывания «с безжалостной, преувеличенной резкостью <...> как дело прошлое и темное, беззастенчиво высказал перелом, совершившийся в его убеждениях». И И. С. Тургенев делает из этого обоснованный вывод об одной из определяющих черт, присущих характеру критика: «Белинский не ведал той ложной и мелкой щепетильности эгоистических натур, которые не в силах сознаться в том, что они ошиблись, потому что им их собственная непогрешимость, часто основанная на отсутствии или бедности убеждений, дороже самой истины... Собственно себя он ставил ни во что: он, можно сказать, простодушно забывал о себе перед тем, что признавал за истину; он был живой человек, – шел, падал, поднимался и опять шел вперед как живой человек» [8, т. 11, с. 167–168]. Потому, вероятно, в очерке И. С. Тургенева так много места уделено воссозданию образа «живого» человека.

Решению этой задачи способствовало изображение внешности критика. И. С. Тургенев был выдающимся беллетристом, мастером литературного портрета. Ко времени, когда писался очерк «Встреча моя с Белинским», были уже созданы не только «Записки охотника» или такие шедевры, как, например, «Муму», роман «Рудин». В очерке И. С. Тургенева черты внешности В. Г. Белинского органически связаны с особенностями его художественного письма. Эти особенности меняются в зависимости от того, о каком настроении критика И. С. Тургенев пишет. «Я увидел человека небольшого роста, сутуловатого с

неправильным, но замечательным и оригинальным лицом, с нависшими на лоб белокурыми волосами и с тем суровым и беспокойным выражением, которое так часто встречается у застенчивых и одиноких людей. <...> Он понемногу оживился, поднял глаза, и все лицо его преобразилось. Прежнее суровое, почти болезненное выражение заменилось другим: открытым, оживленным и светлым; привлекательная улыбка заиграла на его губах и засветилась золотыми искорками в его голубых глазах, красоту которых я только тогда и заметил [8, т. 11, с. 167]. Для портретиста важной оказывается взаимосвязь между выражением глаз и улыбкой критика.

И. С. Тургеневу удалось противопоставить тот облик В. Г. Белинского, который был ему хорошо знаком, с тем, который пытались создать его недоброжелатели: «...нравственная чистота этого – как выражались его противники (где они теперь?) – “циника” была поистине изумительна и трогательна; знали о ней только близкие его друзья, которым была доступна внутренность храма». Эта характеристика в точности совпадает с тем, что писал о В. Г. Белинском П. В. Анненков: «Она [деятельность Белинского – Я. Г.] дала повод его врагам составить ему, пользуясь недоразумением и игрой слов, репутацию безнравственного существа, не признающего законов, без которых никакое общество держаться не может. Они успели объявить безнравственным человека, который всю жизнь искал основных принципов идеально благородного существования на земле...» [1, с. 194–195]. Таким образом, и внешность, и характер, и образ мыслей оказываются важными для понимания истинной личности великого критика.

Во второй части очерка над мемуарным элементом преобладает литературно-критический. И. С. Тургенев выступает здесь как свидетель и аналитик литературных и общественных процессов и определяет место В. Г. Белинского в литературной жизни своего времени: «Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими качествами и недостатками стоял близко к центру, к самой сути своего народа...» [8, т. 11, с. 168]. Как справедливо отметил комментатор этого высказывания, называя Белинского «центральной натурой», И. С. Тургенев доказывал, что герой его очерка по праву стал «руководителем общественного сознания своего времени», для которого литература была одним из самых полных «проявлений жизненных сил народа» [8, т. 11, с. 168].

Но несмотря на личную симпатию И. С. Тургенева к В. Г. Белинскому, на высокую оценку его деятельности, он не преувеличивает достоинства критика, упоминает о «малом запасе познаний, его неусидчивости, и неохоте к медленным трудам» [8, т. 11, с. 168], но даже «самые его недостатки» имели в глазах И. С. Тургенева «значение историческое». Человек более ученый и образованный мог при этом находиться «на периферии, на окружности, если можно так выразиться, своего народа» [8, т. 11, с. 169]. Белинский же обладал именно теми качествами, которые сделали его «центральной натурой». И. С. Тургенев особо отмечает стремление и умение В. Г. Белинского замечать и

поддерживать молодые таланты, начинающих авторов, еще не заслуживших известности и популярности, если улавливал в них хотя бы «некоторые, едва заметные крупинки чего-то похожего на дарование». Когда И. С. Тургенев напечатал в 1843 г. поэму «Параша», по прошествии лет пренебрежительно определяемую автором как «небольшой рассказ в стихах», В. Г. Белинский, «всегда готовый протянуть руку начинающему и приветствовать всё, что хотя бы немного обещало быть полезным приращением тому, что Белинский любил самой страстной любовью – русской словесности <...> напечатал статью об этом рассказе в “Отечественных записках”» [8, т. 11, с. 169]. Таким образом, В. Г. Белинский оказывается не только центральной фигурой в жизни общественной, но и литературной, подмечая растущие таланты и поддерживая их.

И. С. Тургенев сумел уловить глубинные связи между личными качествами В. Г. Белинского как человека и особенностями его деятельности как критика. «Страстная по преимуществу натура Белинского», его постоянно и неутомимо работавший ум, глубокий здравый смысл, «ему самому не совсем ясное, но тем более сильное сознание своего призвания, сознание которое при всех его безоглядных порывах не позволяло ему отклоняться от единственно полезной в то время деятельности: литературно-критической в обширнейшем смысле слова», – все это с исключительной полнотой реализовывалось в его статьях, «собственно теория критики, рассуждения о разных ее родах и т.д. его мало занимали, он и в этом был прямо русский человек» [8, т. 11, с. 170]. В статьях критика это обнаруживалось со всей полнотой. Он ясно и точно определял достоинства и недостатки литературных произведений, при этом мало заботясь о соответствии своих статей принятым правилам или нормам их создания. Благодаря этому в наследии В. Г. Белинского так много литературно-критических статей, принадлежащих различным жанровым разновидностям, обогатившим русскую критику.

Видя в литературе одно из самых полных проявлений живых сил народа, он требовал от критики вообще и прежде всего от себя открытого выражения своего мнения, а поскольку в тогдашних условиях прямо действовать на общественное сознание было невозможно, следовало использовать литературу, и, уяснив «первоначальное понятие современников о том, что в словесности нашей представлялось как правда и как красота, следовало сказать обо всех её явлениях искреннее и смелое слово – и Белинский принял за это дело со всей несокрушимой энергией своей восторженной натуры» [8, т. 11, с. 170–171]. Никто из его окружения и даже из его наставников не мог его заменить, «потому что он превосходил их всех без исключения силой и тонкостью эстетического понимания, почти непогрешимым вкусом» [8, т. 11, с. 171]. В. Г. Белинский стремился «к беззаветному и полному высказыванию всего того, что ему казалось справедливым; осторожность, предусмотрительность были ему чужды», и И. С. Тургенев усматривал отражение характера В. Г. Белинского, человека, «который не взвешивал и не рассчитывал свои выражения», даже в

особенностях его «быстрого, крупного, своеобразного почерка»; «прямые как стрелы, строки», «почти без помарок». При всех противоречиях, на которые его оппоненты указывали потом «с злорадным и бесплодным торжеством», он «все-таки оставался самим собою, то есть оригинальным и самобытным мыслителем, едва ли не самым замечательным критиком своего времени» [8, т. 11, с. 171]. Так, от особенностей внешности через характеристику литературно-критического письма автор очерка подошел к особенностям почерка, как известно, точно отражающим особенности личности.

Воспоминания, посвященные В. Г. Белинскому, в 60-е годы были по-очерковому актуальны. В России продолжалась полемика между славянофилами и западниками, к тому же им противостояли революционеры-демократы, провозгласившие себя учениками и последователями В. Г. Белинского. И. С. Тургенев же представляет В. Г. Белинского западником, но такого рода, который очень точно чувствовал потребности России. «Не случайно, характеризуя идеал Белинского, во имя которого критик отрицал существующую русскую действительность, И. С. Тургенев перечисляет в качестве синонимов такие разнородные понятия, как “наука”, “прогресс”, “гуманность”, “цивилизация”, “запад” и даже “революция”, причем слово “революционер” применительно к Белинскому Тургенев употребляет в значении просветитель, новатор, передовой деятель эпохи, чутко улавливающий ее требования» [3, с. 120]. И. С. Тургенев полагал, что образованный класс России должен передать цивилизацию народу, притом передать так, чтобы не нарушить его самобытность. Этой цели, как полагал И. С. Тургенев, служил и В. Г. Белинский.

Литература

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания / П.В. Анненков. – М. : Гослитиздат, 1960. – 684 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В.Г. Белинский. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953–1959.
3. Буданова Н. Ф. Достоевский и И.С. Тургенев: творческий диалог : [Текст] / Н. Ф. Буданова. – Л.: Наука, 1987. – 198 с., с. 120.
4. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. Изд. 2-е, перераб. и доп. : [Текст] / Г.Э. Винникова. – М.: Сов. Россия, 1977. – 448 с.
5. Дружинин А.В. Литературная критика / А.В. Дружинин. – М. : Советская Россия, 1985. – 384 с.
6. Никитин Н.С. Белинский и И.С. Тургенев. У истоков литературных отношений : [Текст] / Н.С. Никитин // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1990. – С. 3–15.
7. Оксман Ю.Г. Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского / Ю.Г. Оксман. – М. : Гослитиздат, 1958. – 640 с.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И.С. Тургенев. – М.; Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968.

9. Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Н.Г. Чернышевский. – М. : Гослитиздат, 1953. – 424 с.

Анотація

Стаття присвячена осмисленню ідейно-художньої своєрідності нарису І. С. Тургенева «Встреча моя с Белинским». У даному портретно-психологічному нарисі автор точно і переконливо відтворив образ великого критика, показав складну суперечливість його характеру і позначив його місце в літературному житті того часу. Портрет критика по-нарисовому актуальний. У ньому є відзвуки полеміки слов'янофілів з революційними демократами-шістдесятниками. І. С. Тургенев підкреслює, що західницькі захоплення В. Г. Белінського не послабили в ньому розуміння всього російського, тієї «російської струни», яка звучала в його душі. У ході аналізу в першій частині нарису був виявлений мемуарний елемент, якій у другій частині змінився літературно-критичним. У першій частині нарису критик постає як «центральна натура», а в другій показаний як «керівник суспільної свідомості свого часу». Основний масив нарису присвячений відтворенню образу «живої» людини, і в цьому його своєрідність.

Ключові слова: портретно-психологічний нарис, літературно-критичний елемент, мемуарний елемент, літературний портрет.

Аннотация

Статья посвящена осмыслению идейно-художественного своеобразия очерка И.С. Тургенева «Встреча моя с Белинским». В данном портретно-психологическом очерке автор точно и убедительно воссоздал образ великого критика, показал сложную противоречивость его характера и обозначил его место в литературной жизни того времени. Портрет критика по-очерковому актуален. В нем есть отзвуки полемики славянофилов с революционными демократами-шестидесятниками. И.С. Тургенев подчеркивает, что западнические увлечения В.Г. Белинского не ослабили в нем понимание всего русского, той «русской струны», которая звучала в его душе. В ходе анализа в первой части очерка был выявлен мемуарный элемент, который во второй части сменился литературно-критическим. В первой части очерка критик предстает как «центральная натура», а во второй показан как «руководитель общественного сознания своего времени». Основной массив очерка посвящен воссозданию образа «живого» человека, и в этом его своеобразие.

Ключевые слова: портретно-психологический очерк, литературно-критический элемент, мемуарный элемент, литературный портрет.

Summary

The article is devoted the comprehension of the ideological and artistic originality of I. S. Turgenev's essay «Встреча моя с Белинским». In this portrait-psychological essay the author has accurately and convincingly recreated the image

of the great critic; he also showed the complex contradictions of his character and marked his place in the literary life of that time. The portrait of the critic is essay-relevant. It has echoes of the controversy of slavophiles with the revolutionary democrats of the sixties. I. S. Turgenev emphasizes that V. G. Belinsky's western addictions did not weaken in him the understanding of the whole Russian, that «Russian chord», which sounded in his soul. The analysis in the first part of the essay has identified the memoir element that has been replaced in the second part by the literary-critical one. In the first part of the essay the critic appears as the «central image», while the second part shows him as «the head of the social consciousness of that time». The main body of the essay is dedicated to recreating of the image of «alive» person and in this is its originality.

Key words: a portrait-psychological essay, literary-critical element, memoir element, literary portrait.